

Номен Нескио

Я - УКРАИНСКИЙ
СОЛДАТ. КОМА.

Номен Нескио

Я – украинский солдат. Кома

«Издательские решения»

Нескио Н.

Я – украинский солдат. Кома / Н. Нескио — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850691-8

Дебютный роман загадочного сетевого писателя. Издается впервые. Молодой человек попадает в зону боевых действий на Донбассе. Предлагается описание предполагаемых событий, ощущений и переживаний солдата после своей гибели в течение сорока дней. Солдат является образом всех погибших ВСУ в гражданской войне на Украине. В произведении он пребывает в двух состояниях — убитый и в состоянии комы.

ISBN 978-5-44-850691-8

© Нескио Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть I. Я украинский солдат	9
Глава 1. Si vis pacem, para bellum	9
Глава 2. Дыхание	11
Глава 3. Post coitum omne animal triste est	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Я – украинский солдат. Кома

Номен Нескио

Bella matribus detestata

Редактор Виталий Сапунов

Дизайн обложки Иван Кочуков

Помощь в верстке Нателла Бучукури

© Номен Нескио, 2017

ISBN 978-5-4485-0691-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В год 7523 от сотворения мира, в дни весенних календ, огромного вида всадник в черном военном плаще неся на огненно-рыжем коне по ночному небесному своду, сталкивая между собой тяжелые, свинцового вида облака. Сильные ноги в кожаных штанах, обутые в ярко-красные высокие сапоги, впивались в мощные бока коня сверкающими шпорами в виде черепов, заставляя животное двигаться еще быстрее в, казалось, уже и без того безумной скачке. Тело всадника покрывал облегающий нагрудник с изображением рыбы, сделанным одной линией. Иногда, сильно натягивая повод, всадник буквально клал корпус коня в глубокий крен так, словно мчался по спортивному стадиону с наклонной, чашеобразной дорожкой. Конь повиновался всаднику безоговорочно, тем не менее, демонстрируя свое недовольство тяжелым хрипом, более походившим на рычание огромного неведомого зверя. С губ коня вместо пены слетал пепел, ноздри иногда освещались снопами искр, глаза навывкате вращались в разные стороны. Было такое впечатление, что весь низ его живота состоит из остывающей вулканической лавы с огненными трещинами. Таков был конь по имени Руина, который нес по небу своего воинственного всадника, имя которому Война.

– Барра-а-а! – гремел его боевой клич, отчего ночную тишину разрывал громовой раскат, и даже казалось, вздрагивало привычное простому смертному ночное небо с множеством звезд, не скрытых дождевыми тучами.

Всадник развел руки в стороны на уровне груди, и между вытянутыми указательными пальцами образовалась искривленная нитка молнии.

– Барра-а-а!

Сделав молнию вертикальной, он буквально метнул ее вниз, разрезав облака. Низвергшись, молния ударила в крышу пристройки, в которой находились ягнята, отчего та вспыхнула. Сторож, присматривавший за фермой, быстро стал звонить по телефону. После чего кинулся к горевшей пристройке и, сбив замок, открыл двери, давая возможность испуганным животным покинуть опасное место. Маленькие существа на неокрепших ножках бросились вон, в панике давя друг друга. В селе не было пожарной службы, поэтому, пока к месту горения прибыли люди, пламя поглотило пристройку и стало «лизать» каменные стены коровника. Люди, как могли, пытались потушить пламя, нося воду из небольшого озера и поливая коровник из шланга, подключенного к водопроводу.

Три всадника невероятно сказочной внешности расположились на холме, сидя на своих конях разных мастей, и наблюдали за пожаром. Молчание нарушил всадник по имени Вологез, чей конь был белым:

– Люди превзошли сами себя, превозносясь в своем выдуманном величии, беря в осаду города. А ведь они и вправду думают, что мы стоим за ними, что служим им. Наивные глупцы.

Глад, всадник, сидевший на коне черной масти, вытянул перед собой весы и проговорил:

– Гран и хеник снова уравниются в цене. Люди неисправимы в своих поступках. Все как всегда и так уже тысячи лет. Не понимаю, зачем так истязать себя, прекрасно зная, чем заканчиваются объявления войн.

– Каждый царь, начиная военные действия, совершает наипервейшую ошибку, наивно полагая, что война это лишь удел армии и страдания соперника, – сказал Вологез.

– Всадник! – воскликнула Смерть, сидевшая на коне бледно-зеленой масти, немного привстав на стременах, она указала косой в низ долины, где на невероятной скорости мчалась Война.

– По всему видать, натешилась ночной прогулкой, – заключил Глад, убирая весы.

– У нас опять есть работа! – осаживая темно-рыжего коня Руину, прокричала Война, приблизившись. – Человеческая гордыня отрывает младенцев от матерей, а крестьянина от земли. Ну что же, нас призвали, и мы не заставим себя ждать. Эта грешная земля еще напьется крови. Скоро случится дождь, он омоет ее как перед Судом. Глупцы, вы еще содрогнетесь от своих желаний! Мы идем к вам! – обращаясь к кому-то невидимому в темноту, пригрозила она.

Всадники спустились с холма и, распугав и без того обезумевшее стадо маленьких ягнят, метавшееся по полю, пересекли село, потревоженное пожаром.

А где-то далеко внизу, на другой стороне села, в доме заплакал ребенок, испугавшись страшного грохота, обрушившегося с небес и предвещавшего ливень. Мать, молодая женщина, быстро подошла к детской кроватке, немного прибавила свет горевшего ночника и, взяв дитя на руки, осторожно прижала его к себе, стараясь полностью закрыть руками, как от близкой опасности, маленький живой сверточек, вздрагивавший от громкого звука. Окно осветилось, наполнив комнату яркой вспышкой, пробившейся сквозь плотные шторы. Мать инстинктивно отвернулась от пугающего источника света, еще сильнее прижав к себе малыша, и кажется, сама испугалась этого природного явления, которое по идее должно сопровождать весеннее пробуждение всего живого от зимнего анабиоза. Страшными были эти звук и свет, после которых должен был непременно пройти дождь, призванный наполнить землю влагой, давая жизнь всему растущему и цветущему. Но не так было что-то в этой ночи. Мать осторожно положила ребенка на кровать и распеленала его, очевидно, решив проверить пеленки. Малыш, вздрагивая, сучил ручками и ножками. Снова обрушился сильный раскат грома. Мать, как есть, схватила малыша на руки и быстро подошла к входной двери, проверив, надежно ли она закрыта, после чего почти бегом пересекла комнату и легла на кровать, накрывшись одеялом с головой, прижимая к себе младенца. Горячо зашептала:

– Ну чего же ты испугался, мой малыш, это всего лишь гром. Тс-с-с... Весна на дворе. Такое бывает к дождю. Тихо, тихо, мой ангел. Все хорошо. Я рядом, и тебе нечего бояться. Скоро все кончится.

Обнажив молодую грудь, наполненную молоком, она переместила головку младенца к соску. Почувствовав тепло материнского тела и запах молока, малыш несколько успокоился, припав губами к груди и обхватив ее маленькими ручками.

Вот и долгожданный дождь обрушился на землю, но не принес он покоя, не способствовал крепкому сну, как это обычно бывает. Она замерла, прислушиваясь к окружающему миру, даже перестала дышать, как будто ждала еще чего-то кроме дождя, инстинктивно сильно прижав маленькое тело к себе, отчего младенец снова заплакал. Молодая женщина тут же очнулась, немного ослабив объятия, а через некоторое время малыш успокоился и, насытившись, продолжал всхлипывать уже в глубоком сне.

Она осторожно поднялась с кровати, накинув платок на голову, встала на колени перед иконкой и принялась молиться, при этом несколько раз пугливо оглядывалась, переводя взгляд с кроватки, где уснул младенец, на окно, за которым шумел ливень, громко стуча по металлическому подоконнику. Неведомый страх заставил ее совершить молитву, ощущение, что кто-то там, очень сильный и не обещающий ничего хорошего, наблюдает за ней из темноты, с той стороны залитого дождем окна.

– Господи, Царь Небесный, прости этих безумцев, они не ведают, что творят. Защити рабов своих, не дай в обиду слабых и безгрешных. В чем же прогневали мы Тебя? В чем вина наша? Убереги дитя неразумное и малое...

Раскат грома прервал молитву и заставил женщину вскрикнуть и в неопишемом ужасе упасть на пол, прикрыв голову руками. От страха и полного бессилия она заплакала. Дождь сильным потоком заливал окна, делая невозможным рассмотреть четырех всадников, оставившихся у дома.

– И этих тоже заберем? И почему мы не можем выбирать?.. – спросила Смерть, обращаясь к Войне. Заглянув в окно, освещенное приглушенным светом ночника, она посмотрела на молодую женщину, лежавшую на полу. – А?..

– Потому что мы не можем судить и судить каждого в отдельности. Он не ставил ни на ком печати и, если решит, что у Него им будет спокойней, случится то, чему должно произойти, – ответила Война, – а пока пусть лучше ничего не знают. Спокойный сон для них на исходе, возможно, что мы еще постучимся и к ним, только не сегодня. А сейчас нам пора.

Всадники, не торопясь, двинулись прочь от дома. И снова: «Барра-а-а!..» – закричал Вологез, и остальные подхватили его клич. И все четверо, сменив в одно мгновение неторопливый шаг, понеслись в безумном галопе по огромному полю, оставив село далеко позади. Буквально влетев на большой холм, они, как один, оторвались от земли и продолжили свою бешеную скачку уже по небесному своду, опрокидывая тяжелые дождевые облака, превращавшие обычное вроде бы природное явление в близкое к Потопу.

Часть I. Я украинский солдат

Глава 1. Si vis pacem, para bellum

*Я не погиб, защищая Родину,
меня послали свои
воевать со своими.
Меня убили на Родине.*

Я – украинский солдат!

Сколько смысла было заложено в этих трех словах, а ведь буквально в недалеком прошлом я и не знал об отведенной для меня роли освободителя своей благодатной земли от злобных сепаратистов, ну никак не желавших жить в одном общем доме – Украине. До этой великой миссии, которую мне поручило правительство, я был студентом, обычным студентом, не хватавшим звезд с неба и тем не менее нашедшим себя в увлечении латинским языком и в древнеримских философских изысканиях. Проживал я где-то в середине моей желто-голубой страны со своими родителями, и семья наша была самая обычная, средне-обеспеченная. И не ведал я большей нужды, чем отсутствие карманных денег после вечернего похода в клуб, на дискотеку, или нулевой трафик в интернете.

Мое будущее меня заботило мало: я знал, что после института буду все равно где-то работать, у меня будут моя семья и мои друзья, и казалось, что родители будут жить вечно. Собственно, о чем может думать современный молодой человек в возрасте девятнадцати лет, неотягощенный жизненными трудностями? Разве что события последнего полугодия давали противоречивые перспективы на будущее. Впрочем, меня мало интересовали демонстранты, марширующие с факелами по улицам где-то в далеких западных областях, к другим своим согражданам с черными лицами от угольной пыли я также был безучастен. Что-то кричали и те, и другие, потом по телевизору выступали какие-то важные государственные особы в галстуках, разговаривая на не совсем понятном мне языке. К моему стыду меня не беспокоила вся эта возня с нашей южной провинцией, где я несколько раз отдыхал с родителями, и которая каким-то расчудесным образом превратилась теперь в за границу. Я был очень далек от политических течений, также не мог похвастаться даже средним уровнем патриотизма. Крики на улицах становились все громче, по телевидению показывали горящие костры, люди с палками и камнями отчаянно дрались с милицией, зачем-то сносили памятники, пылали офисы, магазины, автомобили... Но в тот момент меня больше интересовали моя девушка Лера и спрятанный «косячок» на случай мальчишника. Мальчишник, конечно, будет в будущем, где-то очень далеко, когда мы начнем встречаться, а потом я сделаю ей предложение. Сейчас же была весна, и расставание на время летних каникул с Лерой меня заботило больше, нежели неожиданно свалившаяся на голову служба в армии и возможное участие в боевых действиях, которые я надеялся обратить в свою пользу.

Наша институтская компания была разношерстная, поэтому некое социальное неравенство не бросалось сильно в глаза. Мы все разным образом были знакомы с детства – детский садик, потом школа, обычное явление для заштатных городков. Разве что Лера была исключением, она училась на другом факультете, довольно престижном и дорогом, но это не мешало ей иногда посещать наши сборища с походами на дискотеки или в ночные клубы. Она появилась у нас в институте около двух лет назад, приехав с родителями, которые до этого находились в длительной командировке на Кубе, и казалась недостижимой. И хотя вскоре стало понятно, что Лера обычная девушка, она, тем не менее, держала наше общение

на расстоянии. Нам было по девятнадцать лет или около того, мы были молоды и по сути своей еще совсем дети, да и политические процессы нас интересовали так же, как соотношение гривны к сестерцию в римской провинции Закхабар.

Но вот стало понятно, что родители не оставят квартиру в моем распоряжении, уехав на лето навестить наших родственников – бабушку и дедушку, живущих на востоке страны, в сонном Илловайске, а я буду лишен желанной свободы в своих действиях, когда нет родительского присмотра, потому как по неизвестной мне причине российская армия коварным образом вторглась на территорию моей страны. Серьезные и тучные военные в строгой форме сообщили, что если не я, то кто еще сможет противостоять суровым людям с оранжево-черными лентами на одеждах, опекаемым нашим восточным соседом.

Я представлял себя в форме солдата из компьютерных стрелялок или из иностранных боевиков, вооруженного самым лучшим оружием, и генерала, переживающего за мою жизнь во время проведения очередной военной операции, потому как невольно чувствовалось присутствие новоявленного старшего «звездно-полосатого» брата и наставника, так внезапно восплававшего любовью и заботой к моей стране, который не оставит меня в предстоящих сражениях. И я был горд, поскольку мне выпала честь оказаться во вновь созданной Национальной Гвардии – а что было делать, когда военная служба не входила в мои ближайшие планы на будущее? Но я быстро смирился с этим, с некоторых пор имея привычку даже плохую перспективу обратить в позитивное продолжение. Несколько смущало отсутствие гвардейских прообразов своих военных предков. Ну, разве что всплывали в памяти гвардейцы кардинала из мушкетерских фильмов или храбрые солдаты из военных драм в треуголках или киверах, но все это были не наши, это были иностранные гвардейцы, после чего я окончательно уверовал в то, что именно я буду одним из первых украинских гвардейцев.

Глава 2. Дыхание

Было прекрасное, солнечное и теплое, весеннее утро. Буйство красок, сменившее зиму и слякотную раннюю весну, вырвало наружу чувства от патриотических до любовных. Мне казалось, что я люблю весь мир, свою страну, своих друзей, и не было тогда даже намек на обреченность или тревогу, в которой пребывали последние дни перед отправкой в войска мои родители. Нас построили перед военкоматом на плацу для проведения торжественного мероприятия по поводу призыва в армию, обычное штатное мероприятие.

Группа ребят, направляющихся в добровольческие батальоны, имела более воинственный вид, хотя и были они в гражданской одежде, нежели мы, будущие украинские гвардейцы. Эти парни уже выглядели как солдаты, сказывались возраст, присутствие некоей подсознательной организованности, очевидно, приобретенной на футбольных матчах, ну и конечно же на проходивших всевозможных митингах протестов по любому поводу. Бритые головы, подкачанные мускулы, сине-желтые и красно-черные флажки... не очень разговорчивые с нами, они держались отдельно, давая понять, что эмоции пришедших родственников им не очень нужны.

В то же время наш строй более напоминал пленных и никак не вязался со смыслом произносимых с импровизированной трибуны речей. Военный комиссар объявил о том, что после прохождения ускоренного курса молодого бойца где-то за городом, на учебной базе, где раньше были детские оздоровительные лагеря, наше будущее подразделение будет придано как вспомогательное для обслуживания артиллерийских дивизионов, что, собственно, исключает нахождение на линии непосредственного боестолкновения с противником, иначе говоря «Поддай, принеси, отнеси и кури в сторонке». Да и вообще для родственников нет повода расстраиваться, а лучше всего им, набравшись терпения, ждать фотографий, где будущие гвардейцы запечатлят себя у героического орудия, чем, без всякого сомнения, можно будет гордиться.

Речь военкома, более обращенная к нам, вызвала некоторое оживление и смех в рядах новобранцев в батальоны. Эти ребята выбрали себе иную миссию, и казалось, что война для них важное и более естественное занятие, чем вся эта гражданская суета. Эти парни хотели воевать, они были готовы к этому, а свою обособленность дополняли наличием собственных лидеров и, очевидно, будущих командиров.

Торжественная часть закончилась, и все разошлись для прощания. Я был со своими родителями, мама крепко обнимала меня, что-то говоря скороговоркой, не переставая, поправляла мою одежду, глядя по голове, по плечам, рукам и несколько смущая меня, но я абсолютно не слышал ее. Отец же в некотором оцепенении стоял рядом, держа в руках мой рюкзак, и молчал, кажется, он пребывал в какой-то недемонстративной слабости и безысходности. Он не служил в армии и всячески старался скрыть свое беспокойство за меня перед неотвратимой действительностью. А я, я искал глазами Леру, хотя знал, что она не придет, да и не должна была прийти, она даже не знала, что я ухожу в армию, она вообще ничего не знала про меня кроме имени и того, что мы учимся в одном институте. Да и общение-то наше состояло из нескольких фраз и скудных диалогов. Я буквально немел, если сталкивался с ней, испытывая мальчишескую робость. Но вот сейчас должно все измениться, я в армии, я солдат, и это состояние придавало некую уверенность в себе. Теперь, когда так резко изменился мой мир, в котором я не успел ничего сказать, а она не знала, что была выбрана мной в качестве предмета обожания и с претензией на долгую и счастливую совместную жизнь, я твердо решил пережить эти месяцы разлуки. Что они значили по сравнению с теми девятнадцатью тяжелыми годами, которые я прожил без нее!

Нас посадили в автобусы, а добровольцы лихо погрузились в тентованный КамАЗ, и больше мы не видели друг друга. Двери закрылись, отделив или даже отрезав нас от прошлой мирной гражданской жизни, и колонна тронулась вслед за машиной ГАИ. А я смотрел на своих родителей, которые все это летнее утро простояли на площадке у военкомата. И вот впервые в жизни где-то там, в груди, я ощутил, как сердце сжала неопишуемая тоска, плотный, тугой комок подкатился к горлу, сжав его клещами спазма, и я старался побыстрее проглотить его, слезы готовы были пролиться ручьем. Я никогда в жизни не испытывал подобного по отношению к своим родителям, до этого все было как-то обыденно, как-то естественно. Сразу навалилось столько вины за то, что было в тягость мне тихое семейное существование, и все хотелось поскорее убежать к друзьям и с ними провести вечер, а то и ночь. А они, мои родители, так и не спали, они ждали меня, прислушиваясь ко всякому шуму в подъезде, не сводя глаз с часов или, не отрываясь, смотрели в окно: где же я есть?

Все это как-то всплыло в один миг, и я боялся, что мои терзания заметят другие. Я не мог оторваться от окна, видя, как мама и папа, все более уменьшаясь в размерах, сливаются с остальной массой провожающих. И вот вскоре исчезли совсем, но это не беда, это ненадолго, три недели в учебном центре и два месяца в зоне, а к осени я вернусь домой, пообещав при этом самому себе, что наступающий Новый год всенепременно буду отмечать дома, с родителями, игнорируя все уговоры друзей. С родителями, конечно, и только с ними. Муки совести, так вот, оказывается, как это происходит, но я же ничего не сделал предосудительного! А Новый год будет, обязательно будет, и мы только вдвоем, ну а после, может так случится, они меня отпустят повидать друзей. Ну конечно же отпустят. Они любят меня. А я люблю их, и очень скоро мы увидимся, и все будет так, как я задумал, потому что иначе не может не быть. Я восстановлюсь в институте, и, конечно же, для мамы на 8-е марта будет от меня большой букет цветов в подарок, чего, к своему стыду, я никогда не делал самостоятельно. Ну конечно же цветы.

Внезапно грянул гром, и ясное летнее небо пролилось краткосрочным ливнем. Стена из дождя ненадолго скрыла улицы города, по которому мы продвигались, отчего наша колонна несколько замедлила движение. У меня был сильный жар, я плотнее прижался к оконному стеклу, от прерывистого дыхания стекло запотело. Слезная муть заволакивала глаза, только бы никто не увидел моего состояния. Я стыдился этой своей сентиментальности. Сердце готово было выскочить из груди. Прощайте, мои родные!.. но почему же «прощайте»? почему мое подсознание не подбирает другие слова?.. Нет... я не хочу так... До свидания, мои родные, именно до свидания!!! Но опять: «Прощайте... прощайте...» – там, в груди, где сердце... прощайте... Прощайте-е-е...

В автобусе царил шум. Мои будущие сослуживцы, не очень-то скрываясь от сопровождающего офицера, пили водку, громко смеялись, привлекали внимание девушек, шедших по улицам, подпевали песням, звучавшим из мобильных телефонов, при этом постоянно передвигались по салону автобуса, сливаясь в группы, закрепляя новые знакомства взаимным расположением друг к другу. Я всеми силами старался раствориться в настроении общей массы, но чувство тоски от прощания с родителями держало меня невидимыми цепями, и не было никакой возможности разорвать и освободиться от этих оков. Я напряженно всматривался в людей, идущих или едущих в автобусах или машинах, когда наш автобус проезжал мимо. Я искал ее, искал Леру.

– Пацаны-ы, город плачет, это он нас провожает! Это знак, хороший знак, – заорал мой сосед по автобусу, сидевший слева от меня, и остальные поддержали его криком: «Ура-а-а!!!». Достав небольшую фляжку, он протянул ее мне:

– На, попробуй, это вискарь. У бати отмутил тару, раритет с войны, ну и по-шурику налил пойла. Отдам ему потом, когда домой вернусь. Может, еще чего прихвачу... ну, ствол, к примеру, он охотник у меня, любит эти всякие штуки. Когда на Афган уходил, рассказы-

вал, что вот как тогда поехали, тоже дождь лил. И вернулся живой, погулял еще немного, оторвался на полную катушку, потом с мамкой познакомился и меня после заделал. А там у них тогда в Афгане с духами замес серьезный был, не то что у нас какие-то ополченцы. Куда же они прут, мы же регулярная армия, в момент наголо побреем всю эту шайку-лейку и по домам, пэтэушниц тискать, я такую общагу знаю, закачаешься от восторга, гарем, одним словом, вахтер за пару «Боярышника» пропускает, и аптека рядом. Давай, пей уже.

Фляжка была необычная, из какого-то мягкого плотного материала, овальной формы, с маленьким металлическим горлышком, в выцветшем чехле с прицепленным длинным портупейным ремешком, на ощупь напоминавшим бересту или выделанную кожу, не позволявшем внимательней разглядеть сосуд. Я сделал глоток, стараясь не смотреть на своего нового знакомого, чтобы он не заметил моего состояния. Ароматная, но крепкая жидкость потекла по горлу, и алкоголь сделал свое дело, комок в горле потихоньку растворялся, отчего стало несколько легче. Надо сильнее и чаще дышать, это пройдет. Я сделал еще один глоток, и все-таки выступившие слезы были списаны на крепость напитка. Пить из горлышка ничего крепче пива мне пока не приходилось. Тоска стала рассеиваться, а впереди было что-то такое неизвестное и, под действием выпитого, даже возбуждавшее интерес. Новый сосед изучающе следил за мной и, кажется, ждал с моей стороны восторга или другой реакции от предложенного им напитка:

– Ну вот, молодец, а то сидишь как в воду опущенный. Испугался, что ли? Не с***ы, давай вместе держаться, да и еще тут пацаны реальные есть. Меня Клим зовут. А теперь закрепи успех, глотни еще разок, и пойдем покурим к задней двери.

– Да чего-то зуб у меня разнылся, – попробовал я соврать. – Ничего, вроде отпускает. Все нормально. Я Иван. Пойдем и правда подышим.

– Ну, если так, то будем лечить народным средством твой зуб, буквально всем автобусом. Вон, сколько тут докторов если что, а вот медсестер, извиняй, нету, – авторитетно заключил Клим.

Мы пробрались к задней двери автобуса, усевшись на ступеньки, быстро покурили в щель двери, отодвинув резиновые уплотнители, и вскоре вернулись на свои места.

– Это твои предки были там, в военкомате?

– Да, – ответил я, – хотел еще им сказать, чтобы не приходили, тоску только нагнали.

– Понятно. А меня одна сеструха старшая со своим мужем пришла проводить. Мой батя сам не пошел и мать не пустил. Комиссар ему звонил, предлагал выступить с трибуны, ну, там пурга всякая про героизм и все такое, вроде как сравнить Афган и наш сегодняшний замут. Они же все ветераны, на учете стоят в военкомате, так старый мой че утворил-то, на х***р взял и отослал этих военкоматских, а потом и вовсе надрался со своим армейским кентом, такое я потом наслушался, сплошная контрреволюция. Я вот думаю так, что Афган это ж заграница, а тут вроде как одна своя страна. Ничего не понимаю.

– А у меня в той стороне бабка с дедом живут. И что, они террористы, что ли, или как их там, душманы, вот? – неосознанно для себя сделал я вывод, подбирая первые попавшиеся определения.

– Сепаратисты, – поправил меня Клим.

– Ну да, точно, сепаратисты, – согласился я. – Дед вообще лет сто на паровозе уголь с шахт таскал, до сих пор угольную пыль отмыть не может, бабуля обходчицей на железке была, и че дальше? Я вот к ним заявлюсь с автоматом, мол: «Руки вверх!», х***ня какая-то. Да дед и на автомат не взглянет, сдерет мне штаны и лозинкой задницу так исхлещет, вся охота воевать сразу отпадет. Вот и весь сепаратизм. Хотя если там русские напали, как по телику трещат, то это другое дело. Своей земли мало, что ли, или чего еще им не хватает?

– Ну, твои старики – это же местное население, а москали – совсем другое. Местных-то мы валить не будем, они же наши.

– Ну как же, сейчас, – возразил я, – увидишь москаля, прицелишься, а тут какая-нибудь мирная бабка выходит с ведром, за водой она, видите ли, собралась, ни раньше, ни позже, и что делать будешь?

– Я не знаю, – смутился мой собеседник, подумав немного и не найдя другого ответа.

– Вот и я не знаю, то-то и оно. Они же террористы, в полях не воюют, типа один на один, они в городах прячутся за местных. Только мне кажется, что по телику нам какое-то фуфло втюхивают, есть у нас в России родственники, был я там, вот не скажи тебе, что это Россия, так будто с Украины и не уезжал, разве что вывески все на русском, а разговаривают ну как мы, и народ такой же. И чего это они на нас вдруг стали наступать?

– Да, да, у нас тоже есть там родственники и друзья, особенно у бати, – перебивая, поддержал меня Клим, – вот все как ты говоришь, я сам видел. Постоянно в Россию ездили, или они к нам. Батя как со своими афганцами стренется, так те орут: «Хохо-о-ол, живо-о-ой. Брату-уха-а!», – бухают, песни под гитару поют или на древнем мафоне, прикинь, кас-сеты слушают. А потом плачут, береты пооденут, а батяка мой в шлемофоне, с собой всегда на встречи возит, он у меня танкист был там. И теперь эти братухи что, напали на нас получается? Тоже не догоняю тему. Ладно, на месте видно будет.

Мы замолчали, пытаюсь каждый сам себе ответить на вдруг всплывшие неоднозначные вопросы. Я смотрел в окно автобуса, а Клим уставился в какую-то одну точку на полу, задумчиво грызя ногти. Однако вскоре тоска рассеялась, мышцы на лице утратили «резиновые» свойства, позволив мне выражать свои эмоции более естественно. И я, и Клим, мы присоединились к общему спонтанному хору, исполнявшему «вражескую» песню на «вражеском» языке об актуальной сейчас рюмке водки, находившейся по сюжету песни на столе, стараясь подражать хриплому голосу исполнителя из динамика сотового телефона. Один из призывников вытащил из сумки несколько металлических палочек, соорудив из них фанатский флагшток, и одел на него средних размеров желто-голубой флаг, вызвав бурное восхищение остальных, ну а после выставил полотнище в форточку окна, где оно заколыхалось на фоне листвы и неба. И снова: «Ура-а-а... Ура-а-а!...»

Сопровождавший нас офицер сидел впереди, отвернувшись от нашего собрания и о чем-то переговариваясь с водителем, и абсолютно не горел желанием быть свидетелем происходящего, очевидно, имея для этого свою причину. Он не казался таким лощеным выскочкой, какими представляли обычно те, кто больше и громче всех кричал о войне и о долге перед родиной, которую топчут бессердечные враги. Все в нем выдавало какую-то трагичность, его взгляд и негромкий, но уверенный голос обладали гипнотическими свойствами, словно у змеи, и как результат вызывали полное и безоговорочное подчинение. Этот офицер был первый из встретившихся мне, кто побывал там, куда очевидно направлялись и мы. Мне отчего-то сильно хотелось с ним поговорить, но даже выпитый алкоголь не придавал ожидаемой храбрости, с чем мне пришлось смириться. Общение наше на протяжении всего пути следования состояло лишь из отдаваемых им команд. Он заставлял держать дистанцию, вот так, без слов влиял на нас, и не возникало даже мысли не то что возразить или не согласиться с его требованиями, а просто заговорить с ним. Этот офицер стал первым, от которого столь явно веяло войной, такой не похожей на ту, какой представлялась она нам благодаря рекламным роликам Министерства обороны. Где brave солдаты с разрисованными камуфляжной краской или закрытыми масками лицами демонстрировали чудеса ловкости и отваги. Кто в нашем случае был удав, а кто кролик, понятно стало сразу. Было заметно, что водитель собирался отреагировать на наши выходки, но офицер жестом остановил его, сказав что-то, и после они оба как будто забыли про нас на некоторое время.

Город за окном давно проснулся, стряхнул с себя прошедший дождь и вновь наполнил улицы ярким солнечным светом и необычайной свежестью, которую можно было почувствовать, высунувшись из окна. Спешившие прохожие иногда обращали внимание на наш

кортеж, мы им махали руками, и они отвечали тем же. Но вскоре мы покинули пределы города, выехав на трассу. Эйфория сменилась неожиданно наступившим молчанием. КамАЗ с призывниками в батальоны вышел из колонны, свернув на проселок, и мы видели, как ребята, ехавшие в грузовике, что-то кричали нам, показывали неприличные жесты, вскидывая руки и демонстрируя выставленный большой палец, а один из ехавших снял штаны, явив всеобщему обозрению свой голый белый зад под общий хохот остальных. Ненадолго наша команда оживилась, пытаясь парировать этой выходке, но вскоре снова установилась тишина, заполняемая лишь звуком работающего двигателя и радиотрансляцией из приемника в водительской кабине.

Я вновь вернулся к своим мыслям. Скоро, очень скоро мы вернемся сюда, в наш родной город. Об одном стало жалко: лето обещало быть жарким и солнечным. Ну и что, пропущу его, а дальше впереди целая жизнь, и наконец-то я смогу объясниться с Лерой, а она потом всю жизнь будет рассказывать мне, как очень жалела, что не пришла проводить. Она выслушает меня и поймет. Я же солдат, я буду достоин ее. А Клим хороший парень, здорово бы вместе попасть в одно подразделение. Ну а если не случится этого, то мы обязательно увидимся после армии, тем более что в одном районе живем. Обязательно «встренемся», как он говорит. Ну да ладно, все еще впереди.

Поехали!!!

Глава 3. *Post coitum omne animal triste est*

Нахождение в Учебном центре не оставило ярких впечатлений от службы, да и были мы там не солдаты, а курсанты курса молодого бойца с присягой на верность Украине. Нам ускоренно показали, что надо делать с автоматом и пистолетом, дали общие понятия о тактике, о том, как устроена пушка, более подробно рассказали о снарядах, гранатах, «растяжках», «лягушках», и все остальное такое довольно общее – как наступать, как отступать. Ну а дальше войска. К нашему общему с Климом сожалению, попасть в одно подразделение не получилось.

Мне было жаль расставаться с ним. Молодые люди в моем возрасте не сильно избирательны в выборе друзей, они регулярно меняют одних на других, но вот Клим мог бы стать другом надолго. Он был надежен и правдив в своих поступках и взглядах, и я платил ему тем же. Его безусловная тяга к справедливости, закаленная в уличных драках и мелких проблемах с законом, буквально сметала противоречия, замешанные на хитрости, недобросовестности и уж тем более подлости. Этот человек, как никто другой, годился для разведки, полностью соответствовал понятию друг, он был первый на моем пути во взрослую жизнь. Я тешил себя надеждой, что мы обязательно еще встретимся, если не на войне, то уж точно после нее. И Клим, и я, мы были готовы потеряться после распределения и даже решили не обмениваться номерами телефонов, но твердо пообещали друг другу, что после демобилизации если уж не получится найтись в городе или по адресу проживания, то каждую пятницу с семнадцати до восемнадцати часов будем ждать друг друга у здания автовокзала в нашем городе. Эти «шпионские» действия довели до того, что состоялся договор: если уж кому-то из нас не случится прийти на встречу, то с помощью стикера или листка бумаги, прилепленного на жвачку к задней стенке платежного терминала у входа или на доске объявлений того же автовокзала, можно получить информацию друг о друге. Мы посмеялись над этим самым дремучим способом разыскать друг друга, но тем не менее лишний шанс был не в тягость.

– Прощай, Клим! – с некоторой горечью сказал я ему.

– Да ты чего, братуха? Все будет тип-топ, даже и не думай! Тока смотри, не вальни меня, если доведется стренуться. Давай так, если что, то ори: «Автовокзал», – это будет условным паролем. Мало ли что и как там сложится. Всякое бывает.

– А отзыв, давай, будет «фляжка»? – предложил я.

– Класс! Давай, правда, батя меня за эту фляжку порвет, а с другой стороны, солдат солдата не будет так уж сильно казнить. Так что надо обязательно выжить и фляжку вернуть, а то получается, вроде как я крыса, что ли, у своих украл, тем более у отца. А если в ухо зарядит, так это не в падлу, отец все-таки, я ведь действительно украл.

– Так как раньше было? Сын – на войну, а отец ему свое оружие, снаряжение отдавал, а фляжка это и есть военное снаряжение, так что это еще как посмотреть, – неожиданно сам для себя оправдал я Клима и чем сам остался доволен, видя, как мой товарищ засветился от удовольствия, словно был избавлен от тяжелого обвинения.

– Ну ты, братуха, молодец, одним словом! Как камень с души. Ловко так ты всю эту канитель разрулил. Я ведь сначала подумал, что ты ботан какой-то. Ничего, стренемся после зоны, я тебя в нашу качалку повожу, ты теперь мой друг и брат на районе и по жизни. Помни это, я-то точно не забуду, а свое слово сам себе скажешь.

– Ну, ты чего, Клим? Я только рад. Можно еще кровью побрататься, – пошутил я, но где-то в глубине души даже был готов к этому.

– Мы на войну собираемся, там и побратаемся окончательно, батя мой говорит, что вот там на всю жизнь цепляет, если чума, так по жизни, а если братуха, так и после смерти таким останешься, – теперь наступила очередь Клим грустить.

– Помни, Клим, «автовокзал», ответ «фляжка»!

– Это вопрос жизни и смерти, – философски заключил он, и мы расстались, пребывая в некоторой печали.

Судьба очевидно сыграла со мной злую шутку, определив меня на позиции артиллерийского дивизиона Национальной гвардии, ведущего в составе других войск наступление в направлении города Илловайск.

Первые впечатления на войне у молодого человека вызывают достаточно противоречивые чувства. Сначала очень долго мы были в лесополосе, за артиллерийскими позициями, которые стреляли по противнику, который в свою очередь стрелял почему-то то в нас, то по домам местных жителей в Илловайске. В мои обязанности входила доставка и разгрузка боеприпасов для подразделений передней линии, но линия эта была странная, мы не видели противника, просто стреляли в одну сторону из всего, что стреляло, вот такая это была война на передовой. Тщательно скрываемое чувство страха тормозило желание заглянуть, посмотреть, что же происходит там, куда мы стреляем, где наш противник и как он выглядит, как наступает и падает, подкошенный автоматной очередью или от минного разрыва, но благодаря удаленному расположению позиции нашего дивизиона я не видел пока даже пленных. Нет, то была не кровожадность, противостоявшие нам ополченцы до сих пор не вызывали во мне стойкой ненависти или агрессии. Наши снаряды улетали в никуда, ну и прилетало к нам также из ниоткуда, и пока мы обходились без потерь.

У нас был обед, время на сон, мы слушали по радио музыку, разговаривали по телефонам с родными, иногда пили спиртное под «Батяню-комбата», а потом опять стреляли снова и снова. Война была где-то там, очевидно, на расстоянии оружейного выстрела. Нас тоже обстреливали в ответ, тогда мы прятались в лесополосе. Артиллеристы часто меняли позиции, и наше подразделение обеспечения двигалось за ними. И опять быстро разворачивались в боевой порядок, и снова стреляли без какой-либо корректировки или разведки.

Командовали нами в основном сержанты, поскольку старшие офицеры в новеньких камуфляжах исчезали сразу же, едва мы, разместившись на броне танка или БТРа, выдвигались на «зачистку» улиц или новую позицию.

Наши сержанты и старшие солдаты, это были храбрые ребята – артиллеристы, уже послужившие в армии или в военных училищах, с удовольствием позировавшие татуированными голыми торсами, обвешанными оружием, на свои видеокамеры и фотоаппараты и при любом удобном случае славившие Украину. Они иногда играли в карты, ставя на кон и легко проигрывая снаряженные патронами «расчески» для быстрого заряжания автоматных и пулеметных магазинов, которых было и так в избытке. Команды отдавали четко и ясно и казались опытными бойцами, и мне было спокойно с ними, потому как мы все были одним целым. Мы были армией своей страны, хотя иногда меня смущали изображения свастики на касках или технике и наводили на мысли о том, что все-таки что-то тут не так. Для себя я объяснял их наличие юношеским максимализмом, желанием как-то обособиться, откопанным из руин истории новоявленным патриотизмом, который, как ни странно, оказался довольно живуч, но не более.

Было трудно ориентироваться в знакомом с детства городке, он очень изменился и, казалось, корчился от боли ранеными зданиями и улицами. Илловайск стал чужим и непригласительным, стал неузнаваем, пораженный страшной проказой войны. Приказ был стрелять именно сюда, но никто не объяснял, почему и зачем вот так надо было поступать, и где же

террористы? где ополченцы? Только группы местных жителей бродили по развалинам домов, и я ощущал какую-то косвенную причастность к их горю, они лазали по некогда своим, теперь уже разбитым жилищам, перебирая всякий хлам. А те, кому повезло больше и чьи дома чудесным образом сохранились, пытались стеклить окна, а то и просто досками заделывали пробоины в стенах или крыше, поднимая с земли рухнувшие ограждения в надежде, что самое страшное уже позади, и обустройство быта задача для них теперь самая важная. Я не чувствовал себя освободителем или победителем. Зародившиеся сомнения сменили стыд и вина, которых пока нечем было оправдать.

За упавшими на землю обугленными воротами и поваленным забором из штакетника одного частного двора перед лежащей на земле мертвой собакой, все еще прицепленной на длинную цепь к своей будке, сидел чумазый мальчишка и громко плакал, при этом держа одной рукой собачью лапу, а другой размазывая слезы по щекам. Молодая женщина, очевидно мама этого мальчика, пыталась успокоить и оттащить его от мертвой собаки, но парнишка, еще крепче сжимая лапу, отчаянно сопротивлялся матери, и плач становился все громче. За этой сценой наблюдал сидевший на собачьей будке, единственном целом строении во всем дворе, куривший мужчина, рядом с ним находились небольшая повозка и лопата. По всему было видно, что это была семья и хозяева собаки, а мужчина ждал момент, когда можно будет забрать собаку, чтобы похоронить ее, но мальчишка упорно не хотел расставаться с ней. Это же надо, собака погибла, дом разрушен почти полностью, а собачья будка цела.

– Эй, мужик, давай занимай собачью хату, пока свободна! – крикнул с башни тягача солдат, обращаясь к мужчине на будке, чем вызвал общий хохот остальных. – Если что, то мы на новоселье подтянемся и переехать поможем! Обращайся, не очкуй! А пока можем и за бабой твоей присмотреть, ну, если ты не против, конечно! Лично я очень даже ласковый!

Но мужчина даже не повернул головы в нашу сторону, занятый своими мыслями, а, может, и вовсе не услышал предложение из-за шума двигателя. Мне было не по себе, противоречия раздирали сознание. Я отвернулся в сторону, было очень стыдно за товарищей, за этот хохот и явно не к месту совет. Другой солдат снимал наше движение на видеокамеру, но больше всего в кадре присутствовал сидевший на башне танкист со своими шутками и комментариями по всему пути следования. Взяв на себя роль экскурсовода, он, манерно размахивая руками, предлагал осматривать окружающие здания как достопримечательности. Сочтя снимаемый ролик смешным, он, очевидно, был очень доволен своим остроумием.

– Колонна, сто-о-ой! – продублировал рацию остряк, подняв руку вверх. После чего, опять послушав ларингофон, сообщил: – Слазь! Стоять будем пока. До распоряжения.

– Вы где, телки!? – заорал на всю улицу он, стараясь перекрыть рев двигателей. – Встречайте героев-освободителей, а то все ладошки стерли уже. Я бы сейчас какую-нибудь селянку осчастливил! – и опять грохнул хохот почитателей юмора. Танкист светился от удовольствия, что ему удалось произвести впечатление на товарищей.

Наша колонна остановилась, наполнив все вокруг шумом, сизым дымом, голосами и другой суетой. Через перекресток начиналась улица, где проживали мои бабушка и дед, и ноги сами понесли меня к их дому. Чего мне хотелось больше всего, так это избежать встречи со своими стариками. Что я мог им сказать, как объяснить мое появление здесь, ведь я далеко не с поезда сошел, я прибыл на военном артиллерийском тягаче, с автоматом, под хохот своих боевых товарищей, пропылив мимо двора с убитой собакой, плачущим мальчишкой и его родителями, у которых из жилого строения осталась разве что собачья будка.

Я с трудом узнал улицу, где они жили, и нужный дом, вернее то, что от него осталось, нашел не сразу. Став студентом, я редко навещался сюда, а воспоминания недавнего детства не вписывались в реальность, да и после бомбежек город трудно было узнать. Тем не менее, это был Илловайск. Из поврежденной нитки газовой магистрали, которая проле-

гала вдоль улицы, оставшиеся пары газа периодически вспыхивали огнем. Остальные дома также были частично разрушены, и я стоял на когда-то знакомой улице, по которой, очевидно, еще недавно двигалась российская армия. Записав ее отступление в свой личный победный зачет национального гвардейца, я был не в силах приблизиться и зайти в знакомый и родной двор.

И вот в какой-то момент я неожиданно столкнулся с пожилой женщиной, в которой узнал соседку моих стариков, и которая, выйдя со своего двора и в свою очередь увидев меня, не выказала особой радости от нашей встречи, если не сказать больше, в ее взгляде были холод и отчуждение, а ведь она определенно узнала меня. Бабулька тащила на самодельной тележке, на которой обычно перевозят алюминиевые фляги, когда ходят за водой, большую сумку, с какой ездят челноки. Я попытался заговорить с ней, узнать, куда подевались мои родственники, на что она, тяжело так вздохнув, сказала: «Ну а куда может подеваться человек, в которого летят бомбы, и даже не знаю, были бы они рады, увидев тебя сейчас, ты такой справный... Пойду я, только не стреляй в меня, за ради Христа». Произнесла эти слова, она прошла мимо меня. Только отойдя немного, все-таки остановилась, оглянулась, посмотрев совершенно чужим лицом, поправила большие сумки на тележке и платок на голове, устало проведя худой рукой по лбу, и, что-то бормоча про себя, продолжила свой путь. Она ненавидела меня сейчас. А я остался вот так вот на родной улице один, совершенно разбитый, в подавленном состоянии.

Снаряды, которые я доставлял на позиции и так заботливо протирал ветошью, прямой наводкой летели именно сюда, в дом моих родственников, в кружку теплого парного молока, в клубничное варенье, в домашние пирожки, в наваристый борщ, который с такой любовью готовила моя бабушка, простая сельская женщина. Они летели в теплый вечер заштатного украинского городка, вечер со вкусом спелых подсолнухов, жареной картошки, под мычание и блеянье возвращающегося, поднимая пыль, с пастбища стада коров и овец. И вот теперь я, солдат Национальной Гвардии, стою у разбитого дома побежденного врага. У дома, который весной расцветал пасхальными березовыми и вербными веточками, а на Рождество и Новый год – небольшой елочкой, которую дедушка наряжал в угоду внукам. Что же мне теперь делать?... И что же есть мои фотографии, ставшие свидетельством того, каким образом я посетил своих родственников? Смогу ли я показать их отцу и матери? Я так стоял до тех пор, пока промчавшийся мимо БТР не опохмелил меня тучей пыли и выхлопных газов, вернув в реальность, а подбежавший тут же сержант не пнул меня сильно по задку:

– Ты что, войско? Не успели встать на позицию, а ты уже бабье высматриваешь. Еще раз без разрешения свалишь, под арест посажу. Понял меня? Детский сад, мля! Давай пулей за мной!

Направляясь к новому месту дислокации, я повсюду замечал реальные плоды нашего победного освобождения. Сержант внимательно наблюдал то за мной, то за окружающей местностью, а потом спросил:

– Чего тебя от колонны понесло? В туалет, что ли, захотел, понос?

– Да нет. Старики мои, бабка с дедом, на той улице жили, вот думал, по скорому схожу, посмотрю, что и как, – ответил я.

– Дом целый? Своих видел или не успел? – поинтересовался сержант.

– Да так, рассмотрел немного. Дом без крыши, одни стены, постройки сгорели почти все, и не видел я никого, не успел во двор зайти. Да и как я пойду, что скажу им, если встречу. «Простите, мы тут с ребятами вам нечаянно крышу снесли и сарай сожгли»? А вот зато с соседкой встретился. Не ждут нас тут, лишние мы в этой земле, – я горько усмехнулся.

Сержант молчал и, кажется, уже не слышал меня. Он смотрел на дома, мимо которых мы ехали, и сосредоточенно думал о чем-то своем, ставшем вот именно сейчас важным. Мы двигались по разрушенным улицам окраины города – вот сгоревшая автобусная остановка

и ларьки, вот остовы легковушек, проехали мимо группы солдат, сидевших на земле под охраной конвоя, это были пленные. Наши засвистели и закричали им:

– Ну че, москалики, будем вас немножко пух-пух, стрелять и убивать, тра-та-та! – при этом показывая жестами, как все будет происходить. – Где ваш Путин, что же он вас не спасает?

Один пленный вскочил, что-то крича в ответ, но конвоир быстро отреагировал на это и усадил его на место. Другой из конвоя стал жестами показывать колонне, чтобы она двигалась быстрее.

И где же толпы благодарного и счастливого местного населения, где восторг и счастье? Не было этого, да и быть не могло, судя по скользким неприветливым взглядам жителей. В подавляющей массе они были заняты своими делами и, кажется, старались вообще не смотреть на нас. Мы заняли Илловайск и потихоньку втягивались в него, он теперь был наш. Кто бы знал, что нас ждало впереди.

Мы занимали новые позиции оборонительного характера. Вот уже несколько недель наше подразделение и позиции дивизиона располагались недалеко от полуразрушенного здания автовокзала, в лесопарке. «Вражеские голоса» по радио все время передавали о каком-то «котле», что наша группировка в Илловайске попала в окружение, но опять бои шли где-то относительно далеко, слышны были звуки работы тяжелого вооружения. Самолеты и вертолеты поодиночке и парами висели в воздухе, а нечасто наезжавшие к нам какие-то офицеры говорили, что все идет нормально, что нет окружения и все эти разговоры исключительная «дезинформация».

Было теплое лето, конец августа, наши палатки располагались в одном месте с «пушкарями», мы стали ближе и даже несколько подружились. КамАЗ со снарядами, стоявший в стороне от нас и пушечных тягачей, подгоняли по мере надобности, сгружая по несколько ящиков, и снова уводили машину далеко в сторону. Сама война в ее понятии куда-то отодвинулась. Мы даже несколько раз играли в футбол с бойцами из располагавшегося поблизости блокпоста. Я ходил в караул в свою очередь, и только оживленное движение по улицам Илловайска военной техники с различными подразделениями напоминало о том, что война все-таки где-то тут, рядом. И все бы ничего, если бы не произошел случай, напомнивший о том, что какой бы безмятежной ни казалась нам эта странная война, но все-таки противник у нас есть, и он более чем серьезный, он наблюдает за нами, он знает о нас много.

Наши бойцы иногда выезжали в город, в основном чтобы раздобыть спиртное и еду, хотя армейских сухих пайков было в достатке. Также местные жители приезжали сами и сбывали нам самогон, водку и опять же продукты. Но однажды солдат по кличке Нормалёк, потому что он был наводчиком и после каждого выстрела, глядя в оптику, постоянно орал: «Нормале-о-ок!», – и совсем неважно, куда попадал снаряд, просто таким образом Нормалёк обозначал то, что благодаря именно ему все идет как надо и летит куда надо, так вот этот самый Нормалёк пропал, исчез. Вернее сказать, он уехал на машине с какими-то людьми, продавцами травки, поскольку ранее, еще до войны, плотно подсел на нее, и после пробной тяги продавцы в свою очередь предложили затариться по-серьезному, но для этого надо было куда-то там поехать. А через сутки он появился, но был настолько обдолбан, что вряд ли мог назвать даже свое имя. Однако при нем командир обнаружил письмо и сотовый телефон с большим экраном. В письме сообщалось о том, что необходимо посмотреть видео. После чего командовавший нами всеми – он, кажется, был в звании капитана, но я не уверен, потому как погоны никто не носил, и обращались к нему просто: «Командир», – построил нас, выведя перед строем Нормалька, и заговорил:

– Бойцы, вы только посмотрите вот на это чмо! Ни для кого не секрет, что обозреваемое нами туловище очень любит, так сказать, «подуть». Я не стану вам рассказывать, для чего мы все тут собрались, также нет смысла скрывать, куда прокатился наш торчок, а побывал он там, на той стороне, неким образом на экскурсии. Ну и, конечно же, привез с собой видео-послание и, очевидно, массу впечатлений нашему уважаемому собранию. Интересное такое кино получилось, там мы все в главных ролях, там вся наша дислокация, ну и как следствие, условия для того, чтобы все мы в случае их выполнения вернулись по своим домам целые и невредимые. Мне предложено вывести подразделение на позиции боевиков и при этом снять с орудий прицелы, и вообще прекратить военные действия, потому что мы в окружении. Авторитетно заявляю, что нас тут очень сильно «обняли». Маршрут вывода и номер телефона также представлены нашими оппонентами. Я так понимаю, наши позиции уже не требуют пристрелки с той стороны, поэтому есть все основания полагать, что накроют нас с первого или второго удара без всякого риска зацепить дома, которые служили нам прикрытием, да и, собственно, это уже неважно.

Капитан сделал паузу, обведя строй взглядом, и стал в упор рассматривать Нормалька, отчего тот громко начал икать, вызвав смех в строю.

– По-хорошему надо бы просто сдать этого туриста СБУ, и пускай его там расспрашивают, где это и с кем он так чудно провел время. Но это все лирика. Из расположения не отлучаться, караулы усилить, с местными не общаться, задерживать всех подозрительно шатающихся. Больше разговора не будет. За нарушение приказа или еще какую выходку будет арест, а после долгое и не очень нежное общение с представителями спецуры. Делайте выводы.

Командир задумался, было видно, что то, что ему хотелось сказать дальше, требовало взвешенного решения, но ничего не произошло. Он промолчал, а ведь очень даже было заметно, что он не все сказал. Наша команда была далеко не однородна и несколько политизирована, поэтому кто знает, как бы отнесся каждый из нас по отдельности к его словам. Подумав еще немного о чем-то, он скомандовал разойтись.

«Эй, войско, иди сюда!» – таким образом, глава нашего отделения обращался к нам, а в этот раз он звал именно меня. Я подошел.

– Давай-ка прогуляемся, – предложил сержант, и мы вместе отправились к стоящему недалеко зданию автовокзала. Перейдя небольшую площадь и присев на бордюр, мы, расположившись, закурили, и сержант, помолчав некоторое время, произнес:

– Ну че, знаешь, что такое окружение?

– Ну как, в кино, в стрелялке только, или читал что-то... а так сам-то не знаю. Могу предположить, что это очень плохо, – ответил я, растерявшись от неожиданного вопроса и с трудом подбирая слова.

– Послушай-ка меня, стрелялка, читал он что-то... Ты че, debil, что ли? Хотя ладно. Я тоже в окружении не был, но после трех лет обучения в сумской «пушке», по крайней мере, имею представление о том, каким прокладками пользоваться, когда оказываешься, как курица на гриле. Не хочу многого рассказывать, только я в армии, чтобы отработать некоторые косяки, ну а потом восстановиться. Во-о-от!.. Я смотрю, ты не фашик, какие у нас тут есть, слушай меня внимательно, прежде всего, мы действительно в заднице, только почему до нас не доводят реальную обстановку, мне непонятно.

– А если нам передвинуть орудия в другое место? – начал я размышлять и тут же по взгляду сержанта понял, что несу полную ерунду, и решил, что больше не буду рассуждать на стратегические темы вслух.

– Менять позицию никто не даст, да и смысла нет, мы же не танкисты и уж тем более не пехота, с нами не все так просто. И вот перво-наперво я хочу знать обо всех терках, которые идут в подразделении. Есть у нас всякие типы, от которых можно и пулю в спину выхватить. Так надо, это необходимость, пойми меня, и нет в этом ничего предосудительного. Ты должен, просто обязан меня понять, что это странная война. У нас нет разведки, нет корректировки, нет никаких сведений о противнике, мы ничего не знаем о них, они же знают о нас все. На карте, которую принес Нормалёк, даже очко нарисовано с широтой и долготой. Ты понимаешь меня? Они, с той стороны, смеются над нами, а там далеко не возмущенные шахтеры с отбойными молотками. И я не хочу, чтобы твоей мамке прислали в пакетике обгоревший пальчик, которым ты в своем носу ковырялся, чтобы похоронить тебя торжественно. Так что надеюсь, ты понял меня, и вообще, для остальных наше дело – ящики подтаскивать, а тебе еще и очень внимательно слушать, что и кто говорит. И не стреляем мы уже которые сутки, переговоры там какие-то идут.

Недолгая пауза повисла в воздухе. Сержант, докурив сигарету, достал следующую и, прикурив ее, вновь обратился ко мне:

– Да, вот еще что, я замечаю, что ты тоже не против пыхнуть, как этот турист?

Я на мгновение смутился, сержант был не намного старше меня, но сейчас казалось, что нет в настоящее время в мире человека опытнее, старше и более расположенного ко мне, чем он, и я понял, что в этой жизни я еще ничего не видел.

– Ну, я так, только за компанию. Понимаешь, у нас в институте была компания, у меня нет машины, как у моих друзей, и семья моя не очень состоятельна, а так хочется быть на уровне. Да и денег на дурь у меня нет. Я больше всего из-за своей девушки, она там, в этой тусовке, а мне так хочется ее видеть, а сказать ей ну никак не мог, больше от того чтобы впечатление произвести и для смелости. А тут так даже не знаю, предлагают, и как-то отказываться стремно. В общем, как все.

Сержант усмехнулся:

– Вот эта самая штука меня и подвела в «пушке», я командиру слово дал завязать, и он пообещал помочь восстановиться, и ушел я по-тихому, без учета у «нарика», а так вообще без вариантов было бы, если бы тему раскрутили. Значит, и телка у тебя есть? – неожиданно сменил он тему. – Это хорошо, с одной стороны, ждет, небось. Или, как моя дура, на Майданах скачет с разрисованной рожей? Говорит, что она тоже, как и я, на фронте, за компанию со мной, значит. Ну, реально дура. Вернусь, заделаю ей киндера, может, образумится, революционерка хренова. А вообще в нашем случае лучше, чтобы кроме родаков и друзей не ждал никто, я о бабах сейчас. Чтобы без обязательств и всяких там соплей, о верности. Так спокойней, поверь мне, а то начинаются чудеса, то бегут, то стреляются или вешаются му***ки всякие.

– Нет, моя не скачет и на себе ничего не рисует, мы вообще далеки от всей этой политики, – ответил я. Слова сержанта о Лере несколько задели меня.

– Ну, не скачет, так повезло тебе с ней, радуйся. Ладно, пошли на базу, – сказал сержант, давая понять, что беседа закончена, и мы, поднявшись, направились в наше расположение.

Ну почему он так о Лере? Почему она «телка»? Вовсе нет. Он просто не знает ничего. Хотя и прав отчасти. Мне бы очень хотелось, чтобы он стал моим старшим товарищем, другом, и мы дружили бы семьями. После войны я обязательно найду сержанта и приглашу к себе в гости, познакомлю с родителями и Лерой, а может, и даже на свадьбу приедет, и там вот я обязательно припомню ему наш разговор, хотелось бы посмотреть на него, когда он будет извиняться за сказанное сегодня.

Что же будет теперь? Сомнения и некий страх поселились во мне, но никто не должен этого заметить, если действительно так все плохо, то нас должны вывести, ну не бросят же

тут, или на худой конец мы отобьемся. Наших войск много в городе, да еще какие-то негры встречались, может, союзники. Я ждал, что сержант предложит нечто такое, но кроме приказа следить за настроениями ничего не последовало. Я несколько раз порывался сам предложить или спросить, что же делают в таких случаях, но вот очевидно, что все тот же плачущий дождем город определил мне выбор еще тогда, на дороге из военкомата, и удаляющиеся мои родители среди провожающих, ребята в автобусе, офицер и наконец Клим с фляжкой. И я вспомнил... опять в висках заныло: «Прощайте, прощайте»... Да нет же, до свидания! но все настойчивей: «Прощайте-е-е!». Ведь даже предательство из самых добрых и светлых побуждений останется все равно предательством, и к тому же моя Лера, если она вдруг узнает... Нет, о добровольном выходе с позиции не может быть и речи. Я останусь со своими. Я останусь один, даже если все уйдут и меня, конечно же, не убьют, Нормалёк вернулся оттуда, да и к тому же до нас еще надо добраться через наши авангарды. А переговоры... там договорятся, нас выведут по «коридору» и на ротацию.

Я поеду домой... я обязательно поговорю с Лерой. Она, конечно же, случайно будет проходить мимо того места, где я выйду из автобуса или лучше из военной машины, и мы столкнемся. Я все скажу ей, если успею, конечно, ведь она захочет первая, и чтобы дождь, как тогда, и мы стоим под дождем, и капли на лице, а вокруг изумленные прохожие... Она такая смешная, мокрые лицо и волосы, и дождь плачет за нас от счастья.

– Молчи, молчи... ну, прошу тебя... ты не знаешь много. Я так ждала тебя. Ты бы знал, во что превратилась моя жизнь. Новости и сводки оттуда, я даже не знаю, где ты живешь, чтобы спросить у твоих родителей, я нашла в институте адрес, но мне никто не открыл. Это все уже неважно, ты вернулся. Так должно было случиться. Почему ты сделал вот так? Ушел и не сказал мне ничего. Только молчи сейчас, умоляю тебя... Господи, что же я делаю, зачем это все?

Ее мокрая маленькая ладонь закрыла мне рот, чтобы, очевидно, я не смог помешать ей говорить. А я вдыхал запах ее рук, и казалось, не было более счастливого момента в моей жизни, и, крепко обняв ее ладони, я еще сильнее прижимал их к своему лицу. Только бы не кончилось это все вот так внезапно. Пусть это будет подольше. А она все говорила и говорила вперемежку с зубной дробью от холодного дождя, заикаясь от сумасшедшей скороговорки, переходя на шепот, когда не хватало уже воздуха. Вот она, моя самая большая военная награда, я люблю эту войну и с позиции не уйду. Так и стояли мы посреди стены из воды и островков из зонтов прохожих, идущих, спешащих, бегущих и стоящих в своих таких далеких от нас жизнях. Я держал ее ладони с посиневшими от холода ногтями, пытаюсь согреть их своим дыханием, и не было более счастливого человека на Земле кроме меня. Тогда была уже осень.

Я люблю эту войну, обещающую для меня счастливое будущее, пусть пока только в мечтах. От этих мыслей мне стало легче, и я пошел в палатку, упиваясь мыслью о том, что время, проведенное в разлуке, неизбежно приблизит час нашей встречи.

Был конец августа. Солдаты с соседнего блокпоста поделились с нами полутушей барана, которого при его бараньей земной жизни намеренно вывели ночью на позицию блокпоста и застрелили якобы по ошибке в темноте. На приспособленной под мангал конструкции разделанная полутуша превратилась в ароматный шашлык, наполнив прилегающую территорию запахом из прежней жизни. Потом много пили и курили дурь. Сутки без сна в карауле и алкоголь с травкой сделали свое дело, я быстро опьянел. Голова моя была как в тумане, я плохо держался на ногах, но желание сходить в туалет и немного проветриться выгнало меня из палатки на темную улицу. От свежего воздуха стало мутить.

Кое-как справив нужду, я присел на деревянный ящик, надеясь, что голова моя «перегрузится». Состояние было сравнимо с посаженным в центрифугу человеком. Все вокруг плыло, качалось, вертелось и кружилось, мир раскачивался в разные стороны, мне казалось, что голова моя сейчас расколется надвое от боли. Я обхватил ее руками и невольно замычал.

И тут в полной тишине я услышал равномерный топот, точнее сказать, это был звук шагающего военного подразделения. С большим трудом подняв тяжелую от алкоголя и дури голову, я увидел темную улицу и идущий по ней отряд римских или еще каких воинов с поднятыми копьями и большими изогнутыми прямоугольными щитами, их шлемы и доспехи блестели при лунном свете. Этот эскорт сопровождал запряженную повозку с большими и скрипучими деревянными колесами, на которой лежали три огромных деревянных креста, закрепленных веревками, с прибитыми табличками в верхних частях. Один из солдат вел большого коня темной масти, держа его за уздечку. Конь все время старался опустить голову, очевидно, для того, чтобы ухватить несколько травинок, росших по бокам дороги, но солдат препятствовал этому действию, иногда поглаживая морду коня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.